

свое службою», и теперь живет в отставке «весьма уединенно» (XIII, 33).

Мизантроп никак не может примириться с действительностью: вместо добродетели он видит только «тень ее», по его взгляду, в жизни искореняют честность, основанную на «естественной справедливости» (XIII, 35).

Большая часть человеческого рода — чудовища, женщины развратны. Нет ни одной добродетели, которой люди высшего круга не пожертвовали, дабы снискать то, что они называют счастьем на свете. Вельможа, «украшенный титлами и чинами, более ни о чем не помышляет, как сохранить только ту пышность и великолепие, которые его окружают и удовольствоваться свои, какими бы средствами то ни было» (XIII, 37—38). Подчиненные губят свое время в передних этих вельмож, добываясь их расположения «путем ласкательства и низости». Богатство и чины являются первым предметом их желаний; везде господствует «хладное пустословие» (XIII, 38). Люди с талантами редки и не находят истинного признания. Воспитание молодежи неразумно, ей прививают одно тщеславие, отдаляют от всего родного, «училища суть училища лжи». Считая речи молодого мизантропа «язвительной хулой», его противник, не имея возможности разбить эти аргументы, попросту заявляет, что подобные «рассуждения не весьма забавны» и «справедливы» (XIII, 40).

Нельзя отказать антагонисту Румянцева в правдивой передаче основных черт психологического портрета последнего. Перед нами во весь рост выступает один из ранних «чувствительников», печаль и скорбь которых вызывалась требовательным отношением к жизни, и нежеланием мириться с общественными недостатками.

Ответы Екатерины С. П. Румянцеву, а затем ряд статей, осуждающих его взгляды, принудили его прекратить печатание своих произведений в журнале: правительственная группа «Собеседника», заставившая смолкнуть Фонвизина, торжествовала теперь победу над Румянцевым.

Есть все основания полагать, что помещенная в XV части журнала «Епитафия Мудрецу нынешнего века, доказавшему новейшими своими опытами суету сего мира», в силу сходства с предшествующей характеристикой Румянцева, относится к нему:

Лежит здесь мудрый муж, что в карты век играл,

Стихи писал

И спал.

А сею жизньию потомственному взору

Картину начертал собой живую он,

Что щастья твердого, что разума без вздору

И наслажденья без сует,

В сем мире нет;

Но вся людская жизнь — игра, мечта и сон.⁷⁵

В этом стихотворении Румянцева-поэта уязвляют излишней

⁷⁵ «Собеседник», 1784, ч. XV, стр. 34.